

Иван Забелин

ДОМАШНИЙ БЫТ
РУССКИХ ЦАРЕЙ
В XVI И XVII СТОЛЕТИЯХ

Санкт-Петербург

УДК 94(47).04
ББК 63.3(2)
3 12

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Текст печатается по изданию:

Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях.
М.: Институт русской цивилизации, 2014.

ISBN 978-5-389-26746-6

© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ¹

В настоящее время излишне говорить о том, какое важное значение при теперешнем направлении исторических работ получает изучение домашнего быта, житья-бытья отживших поколений. Выводы науки, даже события современной жизни с каждым днем все больше раскрывают истину, что домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий его истории, зародыши и зачатки его развития и всевозможных явлений его жизни, общественной и политической или государственной. Это в собственном смысле историческая природа человека, столько же сильная и столько же разнообразная в своих действиях и явлениях, как и природа его физического существования. Ее естественная, непосредственная сила не раз обнаруживалась и постоянно обнаруживается во всех случаях, когда думают действовать на нее путем внешнего, механического принуждения. Государственные и административные реформы, политические опыты в перестройке народного быта никогда не удавались, если в них не было ничего сродного и соответственного требованиям и потребностям этой природы. В этом отношении мало помогали не только жестокие принудительные меры, но даже и время; по крайней мере, в иных случаях целые столетия проходили почти без всякого успеха для настойчивости реформ, и дело если и не оставалось в прежнем положении в силу жизненной изменчивости, то принимало совершенно неожиданный исход, вовсе не отвечавший предположенным целям и намерениям. Наша история представляет самое убедительное доказательство необыкновенной силы и живучести непосредственных народных элементов жизни и даже самых форм, в которых эти элементы выразились. Так, более полутора столетия мы находимся под влиянием непрерывных реформ; очень многим, и к добру, мы воспользовались в течение этих неутомимых перестроек; многое вошло в нашу плоть

¹ Печатается с сокращениями.

и кровь; но неизмеримо больше остается еще в прежнем положении, и очень часто наши мысли, поступки и действия и внизу и вверху обличают в нас людей XVI и XVII столетий, так что если всмотреться и вдуматься поглубже, то нельзя будет отчаиваться в сохранности нашей родной старины даже и тем мнениям, которые убеждены, что с реформой Петра все старое погибло и что поэтому развитие наше идет будто бы криво.

Народная жизнь не поддается механическим тискам; она отвергает все, что несродно и несвойственно ее природе; путь, по которому она усваивает себе хорошее и дурное, есть путь физиологический, а не механический. Сила народного быта есть сила самой природы, и, чтобы с успехом руководить ею, направлять в ту или другую сторону ход ее развития, чтоб с успехом служить ей, как обыкновенно говорят, для ее счастья и блага, необходимо прежде хорошо и подробно узнать ее свойства, внимательно прислушаться к ее требованиям, узнать непосредственные родники ее жизни, всегда глубоко скрытые в мелочных и многообразных бытовых условиях. Конечно, удовлетворить таким запросам очень трудно, и тем более что наука не слишком давно обратила надлежащее внимание на эти запросы и не успела еще подготовить достаточно материала для их разрешения. Здесь требуются самые мелочные и кропотливые, в полном смысле микроскопические, наблюдения и исследования, которые в большинстве случаев не представляют никакого блеска, а следовательно, и благодарности в своих выводах и результатах. Но предмет так важен, что за трудностию и неблагодарностию работы нельзя откладывать его разъяснения. Мы полагаем, что от его обработки вполне зависит не только правильное понимание своей истории, но и самый способ ее изложения. У нас особенно настоятельна обработка бытовой истории — истории внутреннего развития, домашних дел и отношений народа, — словом, истории народного житья-бытья, потому что наша история, по случаю слабого, почти ничтожного развития исторической личности, представляет самый наглядный пример народного развития из непосредственных, природных или, вернее сказать, первобытных начал жизни. Интерес к нашей политической истории слаб и бледен и потому, может быть, очень часто возбуждает незаслуженные, впрочем, упреки и нарекания работам наших историков. Как ни стараются в иных случаях подогревать его взятыми напрокат идеями западной истории, дело вперед не подвигается и распространяет только в обществе ложные и обманчивые понятия и представления о нашей древности.

Интерес нашей истории заключается по преимуществу, как мы сказали, в непосредственном физиологическом росте нашей цивилизации, в отсутствии именно тех элементов, которые двигали развитие на Западе, и в присутствии таких, которые сближают нас больше с Востоком, т. е. вообще с народами, не касавшимися в своем развитии того богатого наследства древней образованности, каким воспользовались народы западные. Мы не получили этого наследства, не попали в эту цивилизующую школу веками выработанных начал умственного и общественного развития. Мы, напротив, очень долго росли, как цвет сельный, на степной воле, оставленные самим себе, как тот любимый герой наших сказок, обойденный, загнанный братьями, обделенный отцовским наследством, в лице которого народ инстинктивно рисует собственную долю. Собственными силами и разумом самой жизни, медленно и тяжело мы созидали свою самостоятельность. Нам отказала в помощи даже сама природа, и в то время как европейские народы, двигаясь поступательно к западу, всюду встречали не только богатство естественных условий, но даже, как, например, среди племен Америки, значительную долю гражданского развития, — мы, принужденные двигаться по глубокому северу на восток, встречали на пути те же непроходимые леса, неоглядные тундры и степи и скудные начатки цивилизации, перед которыми первенствовало даже наше слишком молодое еще развитие. Сколько же внутренней силы и жизненности народного духа нужно было для того, чтобы выйти непобежденным из таких враждебных условий жизни, чтобы наконец стать твердо и мужественно среди народов, более счастливых и несравненно более богатых и дарами естественных условий, и дарами человеческого развития. В этой-то силе и жизненности и заключается смысл нашей истории. Но раскрыть этот смысл одною политической стороною нашего прошедшего невозможно, ибо, кроме того, что это все-таки одна только сторона, у нас вдобавок она еще сторона слишком бледная. Для подробного уяснения и сознательного понимания своей исторической доли нам необходимо с особенным вниманием углубиться в изучение внутреннего народного развития, которое в своих последовательных ступенях представит несравненно больше интереса и несравненно правдивее расскажет нам нашу родную быль.

Само собою разумеется, что в истории внутреннего развития домашний быт народа составляет основной узел; по крайней мере, в его уставах, порядках, в его нравственных началах кроются основы всего общественного строя земли, не исключая и политической

формы. В его среде воспитывается каждый деятель земли и мало-помалу создаются те силы, которые потом управляют ходом истории. Поэтому домашний народный быт становится ближайшим предметом в изучении бытовой истории и по необходимости занимает в ней начальное место.

Какой же наиболее верный способ обрабатывать историю домашнего народного быта? Предмет до чрезвычайности обширен, разнообразен, мелочен и дробен. Требуется особенное внимание и страшно кропотливая работа только для того, чтобы собрать в одно место необходимый материал... Но еще труднее дать этому материалу научную форму, по крайней мере настолько, чтоб облегчить последующие работы, т. е. разобрать, распределить этот материал, связать в одно научное целое, чтоб сам он, помимо наших указаний и толкований, выговорил заключительное слово, т. е. научный вывод, результат исследования.

Все это представляет неимоверные трудности особенно по той причине, что как ни велико множество материалов этого рода, оно все-таки отличается замечательною неполнотою. Вы ежеминутно встречаете пробелы, самые мелочные, но, однако ж, такие, которые затрудняют дело до невероятности. Добросовестное отношение к фактам не позволяет вам двинуться с места по случаю таких пробелов, и работа при всем вашем усилии не достигает этого желанного заключительного слова.

Обыкновенный способ обработки бытовой истории заключается в том, что разновременные, разноместные и разнословные бытовые факты сводят под известное оглавление и таким образом составляют рассказ о той или другой стороне быта, о том или другом порядке жизни. При первоначальных работах такой способ почти миновать нельзя. Но должно сознаться, что он грешит излишним обобщением фактов, из которых каждый представляет или должен представлять как бы общую черту, не выясняя, однако ж, того или другого общего типа жизни, а рисуя только вообще жизнь народа в известный период времени, иногда очень значительного объема.

Нам кажется, что этим способом мы едва ли получим надлежащее, истинное понятие о свойствах и типическом характере прожитой жизни, что исследования наши мы начинаем с конца, а не с начала, ибо составляем характеристику общего типа в то время, когда нам вовсе неизвестны типы частные, к которым всегда относится самая наибольшая часть собираемых нами фактов и общее которых, одно оно, только и может характеризовать общий тип народной жизни. Поэтому, нам кажется, мы должны остановить свое

внимание прежде всего на изучении этих частных типов, мы должны непременно раскрыть их, если бы и не были они заметны на первый, поверхностный взгляд, ибо жизнь, как ни разнообразна до бесчисленности ее формы и явления и в физическом, и в нравственном мире, всегда складывается или выражает себя в известных типах. В естествознании это роды и виды органической жизни. Подобные роды и виды существуют в нравственном человеческом мире под именем типов. Задача искусства в том именно и заключается, чтобы пластически выразить в одном типе все то, что, разбросанное и как бы разрозненное, вращается в жизни отдельных лиц, принадлежащих, однако ж, по свойству своей нравственной природы к одному и тому же роду или виду. Наука со своей стороны помогает искусству и собирает материал для художественного воплощения в одно целое разрозненных и, по-видимому, чуждых друг другу атомов нравственной жизни. В этом случае необходимо совершается естественный процесс человеческого творчества: возводить знание в акт сознания, к чему ведет и конечная цель самой истории.

Обращаясь к нашему предмету, мы, даже и на первый взгляд, можем указать несколько точек, около которых по преимуществу должно бы сосредоточиваться изучение домашнего народного быта, по крайней мере в пределах времени, назначенных для предлагаемых разысканий. Так, наиболее заметный, передовой тип нашей истории есть «государь или господарь», не в тесном смысле государя политического, а в смысле общем, как собственника и владельца, хозяина, который и в общей жизни именовался тем же словом и впоследствии уже выделил из себя политическое явление, о чем мы подробнее говорим во вступлении к этой книге. Несмотря на огромную, по-видимому, разницу между политическим значением этого типа и частным, домашним его значением, в нем всегда остается и везде сохраняется существенный смысл его жизненной роли, этот владеющий, властный смысл. Само собой разумеется, что преобладающее значение этого типа в жизни всегда остается за тем разрядом лиц, который в первобытном обществе играет главную, передовую роль, именно за разрядом лиц военного звания или сословия, какова, например, в нашей истории была княжеская дружина. Таким образом, тип господаря, кроме его общего владельческого и, так сказать, хозяйского значения, с течением времени сосредоточивает свои основные черты не на одних только лицах княжеского происхождения, но столько же на сословии дружинников-бояр с дробным его видоизменением детей боярских и вообще

так называемого дворянства. Это была среда, в которой элементы государственного типа составляли существенное ее свойство. Здесь форма быта, а следовательно, и его начала, основы были во всех видоизменениях одни и те же. Потому и изучение этого типа должно обнимать жизнь боярства или дворянства вообще со всеми его служебными подразделениями и жизненными видоизменениями. Можно только для удобства в обработке предмета, а главное, для большей определенности исследований рассматривать этот тип в трех его главных и общих видах, именно: быт лучших людей, быт средних людей и быт младших людей того же типа, как всегда очень верно распределяли бытовые отношения наши здравомыслящие предки. В древнем домашнем быте царей мы раскрываем верховное значение этого типа и потом постепенно придем к младшей его ветви — к детям боярским, этой рядовой княжеской дружине.

Тем же путем можно изучать тип *«земца-кормителя»* во всех его видоизменениях, какие условливались тою или другою отраслью занятий, и точно так же с разделением быта на лучшую, среднюю и младшую среду. Земледелие, торговля, разного рода промышленность, ремесленность и всякое художество, которое доставляло средства существования земским людям и в то же время определяло характеристику самого человека и его бытовых отношений, представляют более или менее значительные вариации одного и того же земского быта или вообще земства. Здесь наиболее видным лицом становится по естественной причине капиталист — гость, этот господарь-хозяин в собственном смысле. Младшие ветви этого типа теряются в посадских и чернослободских *«сиротах»*, которым трудолюбие, оборотливость, *«промысл»* — в смысле дарований ума и опытности — всегда открывали широкую и свободную дорогу в первые ряды земства.

Далее, *«казачество»* есть также совсем особый порядок отношений, особая стихия жизни, требующая, как особый ее тип, отдельного независимого исследования. Не ограничивая его значения одною какою-либо местностью или историческим периодом, необходимо рассмотреть существенные стороны этого типа в общем его явлении. Казачество — сначала как отрицание земских условий жизни, а потом как своеобразно сложившееся земство — в нашей истории имеет особенное значение. Жизненная сила его была так велика, что оно сплотилось было в политический тип, постепенное разложение которого и окончательное исчезновение совершилось

не столько от обстоятельств, не благоприятствовавших его развитию, сколько вообще от направления общеисторических идей времени.

Вот общие, главнейшие разделы изучения домашнего народного быта. Мы не упоминаем о посредствующих звеньях, более или менее также замечательных, хотя и не имеющих такого широкого значения. Тип церковника, тип дьяка и подьячего, тип дворового слуги, холопа вообще и т. д. должны сопровождаться не меньшим вниманием в изучении положений, сил и форм древней жизни. При этом, так сказать, внешнем распределении типов нельзя забывать внутренней их связи, которая по законам жизни сливает их в одно целое, ставит их в неразрывную зависимость друг от друга, так что раздельное их изучение есть только неизбежный путь научных исследований.

Когда таким способом обработки будут раскрыты частные типы, то общий тип народной жизни не замедлит раскрыться сам собою, и только тогда будут возможны полные и верные характеристики не только частных, но и общественных форм народного быта.

Само собою разумеется, что такой план изучения требует самой мелочной, кропотливой работы и совершенно новых материалов, о существовании которых мало даже подозревают, но которые, как всегда, непременно явятся из архивной пыли на свет, как скоро наука займется разрешением возбужденных ею вопросов.

В настоящем сочинении о древнем домашнем быте царей мы предлагаем опыт подобной обработки предмета, далеко не удовлетворяющий всем нашим требованиям и в существенном значении представляющий только собрание материалов, частью обработанных больше или меньше, а частью даже в сыром виде. На первый раз, думаем, и это не бесполезно. Мы вообще утешаемся тою мыслию, что во всяком случае труд наш значительно облегчит дальнейшую разработку предмета. Мы давно уже обратили внимание на это дело, но по обстоятельствам не могли посвятить достаточно времени и труда, чтобы повести работы с желаемым успехом. Первые опыты мы печатали в «Московских ведомостях» 1846–1847 гг., затем продолжали труды в «Отечественных записках» 1851–1858 гг. Издавая после того в 1862 и 1872 гг. особою книгой прежние наши работы, мы местами значительно увеличили их объем новыми материалами и разысканиями, иные страницы совсем переделали, исправили ошибки и неточности, какие встречались, и в дополненные присовокупили отдел материалов в сыром виде, заключающий

в себе собрание официальных записок и выписок из расходных, строительных, подрядных, описных и разных других книг и документов старого дворцового делопроизводства, которое и составляет главнейший источник наших работ и остатки которого, в столбцах и книгах, сохраняются в бывших архивах Оружейной палаты и Московской Дворцовой конторы. Все это служит подтверждением или пояснением наших разысканий, а во многих случаях значительно дополняет их, представляя новые подробности, которыми мы не успели вовремя воспользоваться. Питая вообще мало доверия к голословным рассказам и описаниям, мы старались каждый мелочный предмет старого быта объяснить и подтвердить современным ему текстом.

Большая часть собранных в этой книге материалов касается способов постройки, указания местности разных частей старого государева дворца и разнообразных предметов внутреннего убранства или наряда старинных царских хором. Особенного любопытства заслуживают описи старинных дворцов и записки подрядов на постройки, в которых мы знакомимся с богатством старинных строительных или плотничьих и разных ремесленных терминов, а вместе с тем с подробностями устройства и расположения древних русских жилищ. Описание Коломенского дворца... и вместе с описанием дворца Измайловского дает довольно полное и отчетливое понятие об устройстве такого жилища в самом обширном и наиболее роскошном виде, жилища царского. Для сравнения и в подтверждение наших замечаний по этому предмету мы помещаем рядом с этими описаниями описи нескольких боярских и помещичьих хором, которые по времени хотя и относятся к началу XVIII столетия, но тем не менее во многом сохраняют еще допетровскую старину. С тою же целью к фасадам Коломенского дворца мы присоединяем фасад старинных Строгановских хором, существовавших в Сольвычегодске и разобранных в 1798 г. По свидетельству надписи на оригинальном рисунке, который сообщен нам графом С. Г. Строгановым, хоромы Строгановых стояли 233 года и были построены в 1563 г. Хотя и нельзя принимать этого фамильного предания в точном смысле, ибо в этом случае год постройки должен обозначать собственно время первоначальной селитьбы Строгановых на том месте, но все-таки это памятник той же старины, о которой мы ведем наши разыскания. Он очень любопытен, и мы им особенно дорожим в том отношении, что это, сколько известно, почти единственный свидетель, наглядно изображающий нам наиболее отдаленную старину русской частной жизни и раз-

решающий некоторые наши недоумения о составе и архитектурной форме древних хоромных построек.

Может быть, в иных случаях мы... погрелись излишеством и даже повторением некоторых данных; но в начальной обработке предмета мы и это почитаем необходимым, ибо для того, чтобы наука могла утвердить окончательно какой-либо вывод, нужно много и долго вникать в подробности, хотя бы и слишком однообразные и однородные. Кроме того, мы убеждены, что мелкие мелочи старой жизни кладут краски и тени в наших представлениях об историческом быте народа, образуют, если можно сказать, колорит в исторической картине; и во всяком случае ничто так не способствует образованию наиболее верного, правильного взгляда на прошедшее, как эти мелочи, которые иногда одною чертою рассказывают несравненно больше, чем целое исследование. Мы надеемся, что и в нашей книге читатель гораздо больше прочтет между строками, как это всегда бывает при чтении сборника бытовых фактов.

Особенная наша забота заключалась даже в том, чтобы собираемые материалы переданы были верно и точно, с сохранением всех особенностей подлинника, заслуживающих внимания науки. Мы сокращали только излишние подробности титулов и разных приказных формальностей.

Дробность и разнообразие предметов, входящих в описание древнего быта, заставляет нас присовокупить к настоящему труду подробный объяснительный указатель или словарь, который и будет издан в заключение этих разысканий о древнем домашнем быте царей.

При настоящем, третьем издании этой книги мы следовали той же общей задаче нашего труда, о которой сейчас было говорено и которая главным образом состоит в том, чтобы каждому, даже и очень мелочному предмету старого быта, особенно со стороны внешней обстановки, дать самый подробный и, следовательно, наиболее полный облик, в каком такой предмет существовал в известное время.

Мы убеждены, что изучение материальной стороны древнего быта всегда дает прочные и верные основы для уразумения и самых его идей и идеалов; что и художественное его воспроизведение — венец всяких изучений — на страницах ли ученой истории или в свободной области поэтического творчества (во всех родах искусства, словесного и изобразительного) всегда будет очень зависеть именно от того, насколько полно объяснены его материальные

подробности. Для художника, как скоро его творчество останавливается на предметах жизни, отошедшей в область истории, очень важно знать всякую мелочь в точной реальности. Здесь-то он и встречается по большей части неодолимые затруднения, особенно со стороны всяких форм. Художнику бывает очень надобно иной раз подробно и точно знать даже и о том, каким, например, гвоздем была обита старинная мебель и т. п.; так же как для ученого бывает столько же необходимо знакомство со всякою даже и очень мелкою цифрою, которая учитывает старые положения жизни.

Имея в виду подобные потребности художнических и научных изысканий о старой жизни, мы желали возможно более пополнить каждое издание подлежащей книги. В настоящем издании к делу о нарушении чести Государева двора мы присовокупили новое дело этого рода, любезно сообщенное нам А. Н. Зерцаловым — архивариусом упомянутого Архива.

В настоящем издании мы значительно дополнили описание стенописи в Золотой и Грановитой палатах на основании современной ее описи, напечатанной в собранных и изданных нами по поручению Московской Городской Думы «Материалах для истории, археологии и статистики города Москвы» (ч. I. М., 1884).

Более подробные объяснения плана кремлевского дворца с приложением планов верхнего и нижнего его этажей будут помещены во второй части этого сочинения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

ГОСУДАРЕВ ДВОР, ИЛИ ДВОРЕЦ

Вступление. — Общее понятие о князем дворе в Древней Руси. — Двор первых московских князей. — Общий обзор древних хоромных построек в Великой Руси. — Способы построек, или плотничное дело. — Состав деревянного государева дворца. — Каменный дворец, воздвигнутый в конце XV в. — Его расположение в начале XVI в. — История дворца при Иване Васильевиче Грозном и его преемниках. — Дворцовые здания в Смутное время, или в Московскую разруху. — Обновление дворца и новые постройки при Михаиле Федоровиче. — Новые украшения дворца при Алексее Михайловиче. — Распространение и украшение дворца при Федоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи. — Расположение дворца и его состав в конце XVII столетия. — Запустение и постепенное разрушение дворцовых зданий в XVIII столетии.

Старый русский домашний быт, и особенно быт русского великого государя, со всеми своими уставами, положениями, формами, со всею порядливостью, чинностью и чтивостью наиболее полно выразился к концу XVII столетия. Это была эпоха последних дней для нашей домашней и общественной старины, когда все, чем была сильна и богата эта старина, высказалось и закончилось в такие образы и формы, с которыми по тому же пути дальше идти было невозможно. Москва, сильнейшая из жизненных сил старой Руси, в эту замечательную и любопытную эпоху отживала свой век при полном господстве исторического начала, которое ею было выработано и водворение которого в жизни стоило стольких жертв и такой долгой и упорной борьбы. *Политическое единство* Русской земли, к которому неизбежно вели московские стремления и предания, являлось уже неоспоримым и несомненным делом и в умах самого народа, и для всех соседей, когда-либо протягивавших руку за нашими землями. Представитель этого единства, московский великий Государь, Самодержец всея Руси, стал в отношении к земству на недосягаемую высоту, о которой едва ли и помышляли наши далекие предки. Ничего соответствующего этому «пресветлому царскому величеству» в древней нашей жизни мы не видим. Правда,

идея царя была хорошо знакома нам еще с первых веков нашей истории, особенно когда деятельны были наши связи с Византией. Царь греческий представлялся для нас типом самодержавной, ничем не ограниченной власти, типом высокого и великого сана, к которому доступ сопровождался изумительной для простых глаз торжественностью и обстановкой несказанного блеска и великолепия. Обо всем этом достаточное понятие мы получили еще со времени варяжских походов на Царьград. Понятие это не угасало и в последующие века, распространяемое особенно духовенством, греческим и русским, по случаю частых его сношений с Царьградом. Книжные люди тех веков, обыкновенно тоже церковники, изредка приписывали этот титул и русским князьям из желания наиболее возвысить их сан и значение, по крайней мере в собственных глазах, из желания сказать наиболее усердного и раболепного в похвалу доброму князю. Позднее тем же титулом стали мы величать царя Ордынского, потому что как же иначе, т. е. понятнее для всех, могли мы обозначить характер ханской власти и характер его господства над нашей землей. Новое явление мы назвали соответственным ему именем, которое как представление давно уже существовало в умах, с которым с давнего уже времени соединялось довольно определенное и знакомое всем понятие. У себя дома, среди своих князей, мы не находили ничего соответственного этому имени. И если иногда обзывали их так, то, как мы упомянули, единственно из особой угодливости и подобострастия, которыми большей частью руководилась в своих похвальных словах наша старинная книжность.

Тип *великого князя* Древней Руси не был очерчен резко, определенно. Он терялся среди собственного княжеского племени, среди дружинников и вечевых городов, пользовавшихся почти равной самостоятельностью голоса, власти и действий. Черты этого типа пропадают в общем строе земли. Он не вдруг приобретает даже имя великого и просто именуется «князем» с прибавлением изредка титула «господин», что показывало только вообще властное его значение. Книжники, вспоминая апостольское писание, присваивают ему иногда значение «Божьего слуги», который «не напрасно меч носит, но в месть злодеям, в похвалу же добродеем». Именуют его «главою земли»; но это были представления отвлеченные, собственно книжные; в действительной жизни им мало внимали. С именем князя повседневные понятия времени соединяли только значение главного судьи и воеводы, хранителя правды и первого воина земли. Как скоро правда была нарушена поступками князя,

он терял доверие, лишался княжества, а иногда и самой жизни. Вообще он был «стражем Русской земли» от врагов внутренних, домашних, и от врагов иноплеменных. За то земля его *кормила*, и он сам не простирал своих видов дальше права на это *кормление*. Кормление вместе с тем условливало общее владение землею в княжеском племени и, следовательно, личную зависимость князя, хотя бы и великого, не только от родичей, но даже и от дружинников, потому что и те были участниками кормления и общинного владения землею, участниками в оберегании правды и в защите земли от врагов. Понятно, почему великий князь и для земства становился не более как кормленщиком, не главою земли, а главою таких же кормленщиков, вождем дружины; понятно, почему и отношения его к земству были так непосредственны и просты. В те простодушные века очень часто слышались на вечевых сходах оживленные речи и споры, в которых люди веча и князь высказывают какие-то братские, совершенно равные отношения. Не станем говорить о том, сколько в этих оживленных беседах обнаруживается сознательно выработанных определений жизни. Может быть, здесь в большей мере высказывается лишь простодушное и прямодушное наивное детство общественного развития, каким отличается вообще первое время в жизни всех исторических народов.

«А мы тебе кланяемся, княже, а по-твоему не хотим» — вот стереотипная фраза, которою выражалось несогласие с княжескими требованиями и притязаниями, выражалось вообще самостоятельное, независимое решение дела. «Тобе ся, княже, кланяем» — значило то же, что «ты себе, а мы себе», что по-твоему не сделается. Князя со своей стороны людей веча не называют ребятами, а обращаются к ним с обыкновенным народным приветом: *братье! братья моя милая!* — взывает к новгородцам древний Ярослав, прося помощи на Святополка; *братья володимерцы!* — взывает князь Юрий, прося защиты у владимирцев; *братья мужи псковичи! кто стар, той отец, кто млад, той брат!* — восклицает Домонт Псковский, призывая псковичей на защиту отечества. Все это речи, характеризующие древнейший склад княжеских отношений к земству, выясняющие тип древнего князя, каким он являлся в действительности, в народных понятиях и представлениях.

Какое неизмеримое различие этого типа от другого, который именовался впоследствии великим государем и к концу XVII столетия принужден был запретить земле под страхом великой опалы писать ему в челобитных: «Умилосердися, яко Бог» или «Работаю я, холоп ваш, вам, великим государем, яко Богу». Много нужно

было времени, а еще более гнетущих обстоятельств, чтобы жизнь привела понятия массы к такому принижению. Новый тип соиздавался постепенно, шаг за шагом, под гнетом событий, под влиянием новых жизненных начал и книжных учений, его распространявших и утверждавших.

Несмотря, однако ж, на расстояние, которое отделило каждого земца от «пресветлого царского величества», несмотря на порядки быта, по-видимому столько различные и чуждые преданиям древности, великий государь при всей высоте политического значения на волос не удалился от народных корней. В своей жизни, в своем домашнем быту он остается вполне народным типом хозяина, главы дома, типическим явлением того строя жизни, который служит основой экономического, хозяйского быта во всем народе. Одни и те же понятия и даже уровень образования, одни привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, предания и верования, одни нравы — вот что равняло быт государя не только с боярским, но и вообще с крестьянским бытом. Различие обнаруживалось только в большем просторе, в большей *прохладе*, с которою проходила жизнь во дворце, а главное — только в богатстве, в количестве *золота* и всяких драгоценностей, всяких *цат*, в которых, по мнению века, несравненно достойнее представлялся всякий сан, а тем более сан государя. Но это был только *наряд* жизни, нисколько не изменявший существенных ее сторон, существенных ее уставов и положений, и не только в нравственной, но и в материальной среде. Изба крестьянская, срубленная во дворце для государева житья, убранная богатыми тканями, раззолоченная, расписанная, все-таки оставалась избою в своем устройстве, с теми же лавками, коником, передним углом, с тою же мерою в полтретья сажени, сохраняя даже общенародное имя избы. Стало быть, жизнь во дворце, по существу потребностей, нисколько не была шире жизни в крестьянской избе; стало быть, тамошние начала жизни находили себе вполне соответственный, наиболее удобный приют в той же избе.

Самый титул царя: *великий государь* — может отчасти раскрыть, что новый тип политической власти вырос «на старом кореню». Первоначальное значение слова «государь» затемнено было, особенно в позднейшую эпоху, неимоверным распространением этого значения в политическом смысле, а вместе с тем заученными понятиями и представлениями о государстве и государе как отвлеченных теоретических идеях, о которых древняя наша действительность, почти до самой реформы, очень мало или и вовсе не мыслила. Только во второй половине XVII столетия мелькает мысль о *воп-*

чем народе, как говаривал царь Алексей, все еще считавший Московское государство своею вотчиною.

Прежде всего должно заметить, что в древнее время титулов в собственном смысле не существовало. Все теперешние титулы есть собственно археологические достопамятности, сохраняющие только память о давнишней действительности, смысл которой трудно воскресить и научным образом. Между тем в древности каждое имя заключало в себе живой, действующий смысл. Так, слово *князь*, которым земля именовала каждое лицо, принадлежавшее Рюрикову племени, было словом, вполне и точно определявшим истинный, живой смысл, какой возникал из характера княжеских отношений к земле. Права, достоинство князя как известного общественного типа были достоянием только лиц княжеского же рода и никому другому принадлежать не могли. Как скоро племя расплодилось и простое, обычное достоинство князя потребовалось возвысить для лиц, стоявших почему-либо впереди и, следовательно, выше других, тотчас же к имени «князь» стали прибавлять прилагательное «великий», что значило «старший», «большак». Этим титулом жизнь обозначила, что достоинство князя от раздробления на мелкие части утратило прежнее значение, измельчало, износилось и что, следовательно, наступила новая фаза в развитии княжеских отношений.

Тем же путем прошел и титул *великого князя*. Сначала он обозначал только старшего во всем племени, а позже — старшего в своей волости, так что к концу фазы почти все самостоятельно владеющие князья стали именоваться великими. Таким образом, снова обнаружилось измельчание великокняжеского достоинства. К XV в. не только Тверской или Рязанский, но даже и Понский князь именуется уже себя великим князем, и именно в то время, когда поступает в подручники, в *службу* господину *осподарю* (Витовту). Это новое имя явилось на смену прежнего, отжившего имени и начало новую фазу развития земских понятий о достоинстве князя. Понятие «осподарь», «государь» развилось уже на туземной почве, из элементов, которые были выработаны самою жизнью. Оно, по свойству своих жизненных сил, в самом уже начале показывало, что стремится совсем упразднить первоначальное общее и притом пришлое достоинство князя, упразднить самое понятие об этом достоинстве, что в точности и случилось, когда эта фаза достигла полного развития. В XVII столетии многие князья Рюрикова племени смешались с земством и навеки забыли о своем княжеском происхождении. Таким образом, тип древнего князя,

Забелин И.

- З 12 Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / Иван Забелин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 880 с. + вкл. (16 с.) — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26746-6

Иван Егорович Забелин (1820–1908) — выдающийся русский историк и археолог. Его самый известный труд — «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях». «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» (1862) — его первая часть, «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях» (1869) — вторая. Обе книги неоднократно переиздавались и по-прежнему представляют большой интерес не только для специалистов, но и для всех любителей отечественной истории.

«Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» — по существу первый опыт изучения повседневной жизни царского двора, который помогает лучше понять своеобразие национальной культуры и государственности. Впервые введенные в исследовательский обиход источники позволили Забелину проследить формирование, а затем и угасание патриархального уклада русской жизни к началу Петровских реформ.

УДК 94(47).04
ББК 63.3(2)

ИВАН ЕГОРОВИЧ ЗАБЕЛИН
ДОМАШНИЙ БЫТ РУССКИХ ЦАРЕЙ
В XVI И XVII СТОЛЕТИЯХ

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валентина Гончар, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.09.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 54,88 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург; Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург; Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-35743-01-R